

Капитан моего сердца

Марина Денисов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Денисова
Капитан моего сердца

«Автор»

2026

Денисова М.

Капитан моего сердца / М. Денисова — «Автор», 2026

Сева Лозинский, капитан хоккейной команды «Метеор», привык контролировать свою жизнь и игру на льду. Но жизнь вне арены преподносит сюрпризы, когда в крошечной кофейне он встречает девушку, от взгляда которой замирает сердце. Маргарита Симонова не верит в любовь с первого взгляда, у неё слишком много забот. Учеба в университете, подработка в кофейне, семейные проблемы... Но Сева не сдаётся. Его ненавязчивая забота медленно, но верно меняют её мир. Их история — это череда случайных встреч, невысказанных слов и робких шагов навстречу друг другу. История о том, как два разных мира находят общий язык там, где меньше всего этого ждёшь. Смогут ли они преодолеть собственные страхи и поверить, что судьба не ошибается?

© Денисова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Рита	5
Глава 2. Рита	10
Глава 3. Сева	13
Глава 4. Рита	17
Глава 5. Сева	22
Глава 6. Рита	25
Глава 7. Рита	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Капитан моего сердца

Глава

Глава 1. Рита

Сердце знает правду раньше разума

– Девушка, вы серьёзно?! Я заказывала латте на кокосовом молоке, а это что за бурда?! – голос посетительницы взлетает до ультразвука, пронзая пространство кофейни, словно раскалённая игла. Её глаза полыхают таким праведным гневом, что мне хочется провалиться сквозь землю, раствориться в воздухе, исчезнуть.

Я стою, словно пригвождённая к месту. Неделя в этой кофейне, и вот уже моё первое (но, чувствую, далеко не последнее) боевое крещение. Ладони скользкие от пота, колени предательски подрагивают, а в голове густой, непроглядный туман, в котором тщетно пытаются пробиться здоровые мысли.

«Спокойно. Дыши. Ты справишься», – мысленно твержу я, будто заклинание, цепляясь за эти слова, как за спасательный круг.

– Сейчас всё исправлю, – выдавливаю из себя, судорожно собирая рассыпавшиеся зёрна. Руки ходуном ходят, пальцы не слушаются, но я упрямо цепляюсь за остатки самообладания. Благо зал полупустой, а до закрытия каких-то шестьдесят минут.

Вокруг кофемашины апокалипсис в миниатюре: молотая арабика рассыпью на столешнице, капли молока на полу, вспененное молоко перетекло через край питчера и стекает по боку машины. Но я продолжаю сражаться с капризной техникой, с этим непокорным агрегатом, который будто нарочно решил меня доконать.

«Ну почему у меня всё через одно место?!» – в отчаянии думаю я, чувствуя, как внутри нарастает волна паники. – «Остальные справляются на раз-два, а я вечно как слон в посудной лавке. Но я стараюсь! Честно стараюсь! Почему именно мне выпало столкнуться с этой фурией?»

Я перезапускаю процесс: тщательно отмеряю зёрна, проверяю температуру молока, слежу за каждым движением будто от этого зависит моя жизнь. Каждая мелочь требует сверх внимания, каждый шаг как хождение по минному полю.

Наконец, стакан с идеально пенящимся латте стоит передо мной. Аромат кокосового молока мягко разливается в воздухе.

– Ваш латте на кокосовом молоке, – наконец выдыхаю, растягивая губы в улыбке. Но улыбка эта как маска из твёрдого пластика, которая застыла на лице, а мышцы уже ноют от напряжения, будто я держу её силой воли.

Посетительница делает пробный глоток, морщится, будто проглотила лимон целиком, задерживает паузу, словно наслаждаясь моей мукой, и наконец изрекает:

– Ну, уже терпимо.

И уходит. Без «спасибо». Без «до свидания». Просто разворачивается и шагает к выходу, цокая каблучками по плитке, оставляя за собой шлейф парфюма и неуловимое ощущение унижения.

Да чтоб тебя! Взрывается внутри огненный шар негодования. Кулаки сжимаются так, что ногти впиваются в ладони, оставляя полукруглые отметины. Кровь приливает к лицу, а в груди разрастается горячая волна обиды и злости.

– Латте на кокосовом, пожалуйста, – передразниваю её про себя, копируя этот надменный тон, эту презрительную интонацию. – Можно мне латте на кокосовом, будьте так добры! – голос звучит в моей голове с ядовитой иронией.

Почему некоторым людям так нравится поливать всех грязью? Откуда эта уверенность, что их недовольство закон, а вежливость излишество? Почему они считают, что имеют право обращаться с другими, как с обслуживающим персоналом, лишённым чувств и достоинства? Неужели так сложно сказать «пожалуйста» или «спасибо»? Просто проявить человеческое участие?

Я смотрю на закрывшуюся дверь, и внутри разрастается горькое послевкусие, и не от неудачного латте, а от этой бессмысленной агрессии.

Глубокий вдох. Ещё один. Ещё. Воздух медленно наполняет лёгкие, пытаюсь остудить пылающий костёр внутри.

Это просто работа. Просто работа. Просто... – повторяю я тихо, но слова уже не приносят облегчения.

Обида, горячая и колючая, всё равно царапает изнутри, разъедает, как кислота. Почему так больно от чужой грубости? Почему чужое неуважение способно пробить броню самообладания, выстроенную годами? Я опускаюсь на стул, закрываю глаза и делаю ещё один глубокий вдох. В тишине кофейни слышу лишь собственное дыхание и отдалённый гул улицы. Нужно собраться. Нужно продолжить. Но внутри всё ещё бушует шторм, шторм непонимания, негодования и горькой обиды.

По правде говоря, нет ничего лучше классического капучино или латте. В них есть что-то уютное, родное. Хотя за последние три дня даже смотреть на кофе не могу. Кофейный передоз это серьёзно! Когда варишь его десятками в день, даже любимый напиток начинает вызывать отторжение.

Знаете, как я сюда попала? Пять собеседований за плечами, и только кофейня сказала «да». Не знаю, судьба это или удача, но факт остаётся фактом это моя новая, первая в жизни работа, и отнимает она не только время, но и последние силы.

К вечеру ноги отваливаются. Мечтаю только об одном, это добраться до кровати и не двигаться. Но нет! Впереди зачётная неделя, а значит, придётся сидеть с учебниками. Университетская система порой бесит до невозможности: не сдашь зачёты, то к экзаменам не допустят. И кто придумал эти правила?

Первые дни были настоящим кошмаром, так как не хватало ни сил, ни времени ни на что. А сейчас уже немного втянулась в этот безумный ритм: учёба – работа – дом. Иногда ловлю себя на мысли, что могла бы не справиться, но... справляюсь же!

И пусть иногда хочется всё бросить и просто отдохнуть, я понимаю – это временно. Я смогу. Обязательно смогу.

До закрытия остаётся всего двадцать минут. Наконец-то можно начать собираться и наводить порядок...

– Есть кто-нибудь? – раздаётся громкий голос, сопровождаемый заливистым смехом.

Выскакиваю из подсобки и замираю. Мама дорогая! Да их тут целая футбольная команда!

– Добрый вечер! Я вас слушаю! – стараюсь не выдать своё удивление.

– О, девушка... Маргарита! – смотрит на бейджик и подмигивает. – Маргарита, ты помнишь, как всё это было? – начинает петь темноволосый красавчик и пританцовывает.

– Ваню, прекрати смущать девушку! – толкает его в плечо симпатичный блондин. Замечу, что он очень даже симпатичный. Хотя по правде сказать, что они все симпатяги, накаченные,

высокие и явно горячие парни, если смотреть на то, что они все без шапок и в растегнутых куртках.

– Я хотел познакомиться, вдруг это любовь всей моей жизни! – говорит Ваню с явной иронией.

– Ага, ты так про каждую говоришь! – раздаётся голос из толпы. – Маргарита, не верьте ему, он у нас известный сердцеед!

– Ваню, давай ты в другом месте будешь клеить девчонок. Мы сюда за другим пришли, – говорит парень с грозным и ледяным взглядом. – Милая девушка, сделайте, пожалуйста, всем этим оболтусам лагте обычный. Мы очень спешим.

– Окей, оболтусы! – Киваю и пребываю в некоем шоке. Они стоят, что-то обсуждают и подкалывают друг друга. Что за сборище тестостерона у нас в кофейне.

– Оплачивать каждый будет по отдельности или кто-то один? – решаюсь уточнить.

– Я оплачу, а вы мне переведёте! – обращается к ребятам Ваню. – Только не забудьте, а то знаю я вас!

– А вы, Маргарита, после работы куда? – не унимается Ваню.

– Домой, спать! – честно отвечаю.

– Эх, не судьба... – вздыхает Ваню.

– Не судьба! – пожимаю плечами, стараясь скрыть разочарование.

Наблюдаю за ними украдкой. Интересно, кто они такие? Так уверенно держатся, будто весь мир принадлежит им. Особенно тот блондин... Его взгляд словно проникает в душу.

Ловко орудую кофемашиной, и в считанные мгновения половина заказа уже готова. Мельчайшие движения отточены до автоматизма: отмеряю порции, заливаю молоко, создаю узоры на пенке, всё как по нотам!

Но ощущение чужого взгляда буквально прожигает спину. Поднимаю глаза и встречаюсь с пристальным взором блондина. Он изучает меня так внимательно, будто пытается разгадать какую-то тайну. Его взгляд настолько пронзительный, что по коже пробегают мурашки, а щёки предательски заливают румянец.

Ставлю последний стаканчик на стойку, и наши глаза снова встречаются. Он продолжает разглядывать меня, словно скульптуру в музее, и я чувствую, как неловкость разливается по всему телу, превращая внутренности в желе.

– Ваш заказ готов! – объявляю я, и вся компания мгновенно замолкает, будто я прервала их тайное собрание. Парни синхронно поворачиваются к стойке, берут свои стаканчики и направляются к выходу.

– Спасибо! Мы ещё придём! – хором говорят ребята, уходя.

– Спасибо, прекрасная Маргарита! Этот кофе просто божественный! – Ваню подмигивает мне так игриво, что я едва сдерживаю смех.

– Пошли уже, Казанова! – блондин хлопает его по плечу, но тут же оборачивается ко мне: – Спасибо за кофе! Доброй ночи! – его улыбка такая искренняя и тёплая, что моё сердце невольно замирает.

– Доброй ночи! – отвечаю я, и в моём голосе невольно проскальзывает улыбка.

Провожая их взглядом, пока они не скрываются за дверью, а потом перевожу глаза на часы. Ого! Уже пять минут одиннадцатого! Пора закругляться. Убираю всё, выключаю свет и направляюсь к выходу. Хорошо, что живу рядом, можно будет хоть немного отдохнуть перед завтрашней сменой.

Механически убираю со столов, протираю поверхности, проверяю оборудование. Движения отработаны до автоматизма – щёлк, щёлк, и готово! Выключаю свет, последний раз окидываю взглядом зал, что всё ли в порядке, ничего ли не упустила? Закрываю кофейню на ключ и пулей вылетаю на улицу.

Брр-р-р... Зима решила показать свой суровый характер именно сегодня. Морозы ударили так, будто мы и правда в Сибири, а не в среднерусском городе! А моя курточка, видите ли, не готова к таким испытаниям. Ну надо же было выбрать самую тонкую, без малейшего намёка на утеплитель! Теперь расплачиваюсь за свою беспечность.

Плетусь по заснеженным улицам, ёжась от ледяного ветра, который пронизывает до костей. Каждый шаг отдаётся холодом в продрогших ногах. Пальцы на руках уже не чувствуют ничего, словно чужие, безжизненные палочки. Нос, кажется, вот-вот примёрзнет к лицу, а щёки горят от колючего мороза. Ветер свистит в ушах, забивается под воротник, пытается сорвать с головы капюшон. Добираюсь до дома кое-как, буквально на автопилоте.

Честно говоря, особого желания заходить туда нет. Но что делать? Чтобы съехать, нужны деньги, а с финансами сейчас такая петрушка... Пусто в кошельке, как в пустыне Сахара, ни гроша! Работать в кофейне я начала недавно, поэтому до финансовой независимости ещё как до Луны пешком.

Захожу в квартиру, дрожа от холода, стараясь не издавать ни звука. Знаю же, что в это время мама с её ненаглядным Виталиком обычно спят. Но не тут-то было!

– Лида, она пришла! – встречает меня на пороге этот самый Виталик. Как же он меня бесит! – И где ты шлялась сегодня, мелкая потаскушка? – его голос сочится ядом. А я что?! Кто?! Я... глаза сами собой округляются от шока.

– Не твоё дело! – огрызаюсь, не скрывая презрения. Этот тунеядец и лентяй просто выводит меня из себя. Как можно в сорок восемь лет «искать себя»? Только и умеет, что лапшу на уши вешать женщинам.

– Дочь! – мама появляется из ванны с грозным видом. – Ты где была? И почему уже неделю приходишь домой чуть ли не в полночь?

– Я работаю! – отвечаю твёрдо. – Я же говорила тебе. Особенно после того, как ты решила перестать давать мне карманные деньги, потому что Виталик считает, что я уже взрослая и должна сама себя обеспечивать.

– Да кем ты можешь работать, соплячка? – снова вмешивается этот тип. Держусь из последних сил, чтобы не вмазать ему и не спустить с лестницы.

– А вам какое дело? – начинаю закипать.

– Рита, как ты разговариваешь? Я тебя не так воспитывала!

– Я буду разговаривать с ним так, как он разговаривает со мной, мама! – голос повышается, нервы на пределе.

– Ах ты соплячка! – Виталик делает шаг ко мне, но я успеваю прошмыгнуть в комнату и захлопнуть дверь перед его носом и закрыться на замок.

– А ну живо открой, пока я не выломал эту чёртову дверь! – барабанит он. – Я научу тебя, как правильно разговаривать со взрослыми!

Сердце колотится как сумасшедшее. Ненавижу эти сцены, но молчать уже просто невозможно.

Ручка двери скрипит под его натиском, а мои нервы натянуты как струна. Грохот кулаков о дверь эхом отдаётся в ушах, но внезапно всё стихает. Слышу, как с противным щелчком закрывается дверь в их спальню. Горячие слёзы катятся по щекам, и я наконец даю волю эмоциям.

Вспоминаю те времена, когда мы с мамой были по-настоящему близки. Она, конечно, была строгой, но всегда выслушает, всегда поймёт, если я задерживаюсь. А теперь... Теперь я словно чужой человек в собственном доме. Эти проклятые четыре месяца перевернули всё с ног на голову.

Виталик методично, день за днём, вдалбливает маме в голову какую-то чушь про меня. И она, моя родная мама, верит ему! Верит каждому слову этого паразита, который только и делает, что сидит на её шее. «Ест, спит и гадит тут же», вот кто он такой!

Понимаю её, правда. После смерти папы ей так хотелось простого женского счастья. Но почему именно он? Почему этот человек, который не работает, который только и умеет, что плести языком?

От усталости, от слёз, от бессилия перед этой ситуацией меня начинает клонить в сон. Мозг отказывается думать, тело требует отдыха. И я проваливаюсь в тяжёлое, тревожное забытьё, где даже во сне меня преследуют крики и ссоры.

Глава 2. Рита

Будильник безжалостно разрывает тишину в пять тридцать утра. Его противный звон эхом отдается в пустой квартире, а я, словно зомби, поднимаюсь с постели. Тяжело, невыносимо тяжело вставать в такую рань, но привычка вторая натура. На автомате принимаю душ, сооружаю бутерброды и заливаю чай в термос. Всё это делаю на цыпочках, затаив дыхание, чтобы не разбудить этих двоих.

Сбегаю в свою комнату, быстро привожу себя в порядок перед зеркалом и бесшумно выскальзываю из квартиры. Запираю дверь и выдыхаю.

Почему так рано? О, это долгая история. Одна встреча с Виталиком, и весь мой день летит ко всем чертям! Три месяца назад я приняла мудрое решение, что уходить до их пробуждения. И знаете что? Похоже, они даже не замечают моего ухода, потому что за всё это время ни слова, ни вопроса. Словно меня и не существует вовсе.

Одиночество давит на сердце тяжёлым камнем. Грустно осознавать, что в этом мире ты словно лишний элемент, ненужная деталь в чьей-то идеальной картине. Но есть одно светлое пятно, это моя подруга. Та самая, с которой мы вместе ходили на фотокружок с пятнадцати лет. Наша общая страсть к фотографии до сих пор нас объединяет, хотя сейчас мы видимся реже.

Она сейчас переживает не самые лучшие времена. После того похищения она замкнулась в себе, стала другой. Её глаза больше не светятся тем прежним огнём, а улыбка появляется всё реже. Но я рядом, как верный друг. Не грузю её своими проблемами, стараюсь дарить позитив, хотя внутри у самой пустота. Иногда мне кажется, что я держу весь мир на своих плечах, но я не жалуясь.

Иду к остановке, а морозный воздух пробирает до костей. Он проникает сквозь одежду, заставляет ёжиться и кутаться в шарф. В такие моменты так хочется забиться под одеяло, завернуться в тёплый плед и спать, спать, спать... Но жизнь она такая, не даёт расслабиться.

В полупустом утреннем автобусе я занимаю место у окна. Наушники привычно прижаты к ушам, а любимый плейлист создаёт уютную атмосферу. За стеклом мелькают заснеженные улицы, укутанные в зимнее одеяло. Тёплый воздух салона изредка разбавляется морозными потоками, а двери открываются на каждой остановке.

Мечтательная улыбка застывает на моих губах, когда чувствую лёгкое прикосновение к плечу.

– Привет! – оборачиваюсь, и сердце пропускает удар. Это же тот самый блондин из вчерашней компании!

– Привет, – мой голос предательски дрожит. Он улыбается, и в его глазах пляшут озорные искорки.

– Я Сева, – протягивает руку, а я, застигнутая врасплох, перехожу взглядом с его ладони на лицо. – Понял, не знакомишься с незнакомцами? – в его голосе слышится лёгкая насмешка.

– Вообще-то ты уже представился, – отвечаю с вызовом. – И на незнакомца не тянешь. Я Рита.

– Помню, – его улыбка становится шире, когда мы пожимаем руки. – Мы вчера у тебя кофе покупали.

– Ещё бы не запомнить такую толпу, – не могу сдержать ухмылку.

– Какую толпу? – его брови игриво поднимаются.

– Да так, неважно, – отмахиваюсь, стараясь выглядеть невозмутимой.

– Нет уж, Цветочек, рассказывай, – настаивает он, наклоняясь ближе.

– Сам догадайся, – парирую я.

– Ну же, – настаивает Сева. – Что такого особенного в нашей компании?

– Представь себе картину: под закрытие врывается орава парней, которые галдят, шутят, а один так вообще пытается очаровать бедную девушку-бариста, – я невольно улыбаюсь, вспоминая тот вечер. Они словно вихрь шум, смех, бестолковая суета. А я стою за стойкой, бледная, с трясущимися руками, и пытается сделать вид, что всё под контролем.

Сева заливается смехом, прикрывая глаза рукой. Его плечи подрагивают, а в уголках глаз собираются весёлые морщинки.

– А, ты про Ваню! Этот ловелас всегда находит способ привлечь внимание. Но мы правда шумные, признаю. – он качает головой, но в голосе ни капли раскаяния. – Хотя, знаешь, без этого было бы скучно.

Некоторое время мы молчим. В автобусе тихо играет музыка, за окном мелькают огни города, а я разглядываю узоры инея на стекле. Мысли плывут медленно, словно в полусне. Но Сева быстро берёт инициативу в свои руки, он похоже не из тех, кто позволяет разговору угаснуть.

– На какой остановке тебе выходить? – его голос звучит мягко, но настойчиво.

– Университетская, – отвечаю, немного растерявшись. Почему-то этот простой вопрос заставляет сердце биться чуть быстрее.

– Отлично, нам по пути. Пойдём вместе.

Киваю, не находя слов. В горле словно ком, не то от смущения, не то от неожиданности. Сева улыбается, и эта улыбка почему-то греет сильнее, чем тёплый воздух в автобусе.

Правда, выскакивать из тёплого автобуса на мороз, это всё равно что нырнуть в ледяную воду. Воздух обжигает лёгкие, зубы начинают выбивать чечётку, а пальцы мгновенно немеют, будто их окунали в ледяную купель. Я ёжусь, подтягиваю воротник к подбородку, но холод пробирается всюду, под куртку, в рукава, в самые потаённые уголки души.

Сева, будто почувствовав мою дрожь, делает шаг ближе.

– Можно вашу руку, прекрасная леди? – галантно предлагает Сева, подставляя локоть. Смотрю на него с удивлением, а он только усмехается. – Это ради твоей безопасности, Цветочек. Трогуар скользкий!

Спорить бесполезно, так как лёд коварно поблескивает под ногами. Идём молча, но это та самая уютная тишина, в которой нет места неловкости. Только скрип снега под ботинками и наши дыхательные облачка в воздухе.

У университета Сева провожает меня до самой аудитории, а потом спешит на свою пару. «Вот это сервис!» – думаю с улыбкой.

У меня пары начинаются только со второй, так что устраиваюсь поудобнее, раскладываю конспекты. Достая завтрак и, к собственному удивлению, обнаруживаю, что день сегодня очень замечательный.

За окном царит предновогодняя тишина. Мерцающие огни гирлянд рисуют в темноте причудливые узоры, а снежинки кружатся в медленном танце. Такая волшебная картина, а на душе пустота.

Мечтаю о том, как раньше: тёплый плед, мамины объятия, старый добрый фильм по телевизору.

Новый год... Как же я скучаю по тем временам, когда всё было иначе. Когда наш дом наполнялся теплом, смехом и настоящим волшебством.

Помню, как мы с мамой украшали ёлку. Я прыгала вокруг, пытаюсь дотянуться до верхних веток, а она только смеялась и помогала мне. Тётя Валя и тётя Вера приходили с какими-то невероятными игрушками, самодельными гирляндами, фигурками, которые они мастерили своими руками. Мы устраивали целые баталии за то, куда повесить ту или иную игрушку.

На кухне стоял такой аромат, что слюнки текли уже с утра. Тётя Валя колдовала над своими легендарными пирожками с капустой, такими, что язык можно было проглотить. Тётя

Вера готовила свой фирменный торт, рецепт которого хранила под семью замками. А мама... Мама делала такие салаты, что даже сейчас, вспоминая, я чувствую их вкус.

Вечер... Мы садились за стол, и начинался настоящий праздник. Тётя Валя травила свои уморительные истории, тётя Вера делилась секретами красоты (которые, кстати, реально работали!), а мама смотрела на нас и улыбалась так тепло, как только она умела. Мы хохотали до слёз, делились мечтами, строили планы.

А потом... Потом мы выходили запускать фейерверки. Мама держала меня за руку, а тёти стояли рядом. Мы вместе любовались яркими вспышками в небе, и в эти моменты я чувствовала себя самой счастливой на свете.

После полуночи мы возвращались домой, пили чай с пирожками и тортом, и я засыпала с улыбкой, чувствуя себя защищённой и любимой.

Сейчас, когда всё изменилось, я часто вспоминаю те дни. Каждое объятие, каждая улыбка, каждое слово, всё это теперь как драгоценные камни в моей памяти. И пусть сейчас всё по-другому, те моменты останутся со мной навсегда. Они согревают моё сердце даже в самые холодные дни.

Боже, как же я хочу вернуть то время... То время, когда наша семья была настоящей, когда мы были счастливы просто оттого, что есть друг у друга.

Но в этом году всё будет иначе...

Точно знаю, что этот Новый год станет совсем другим. Триста пятьдесят дней изменили всё до неузнаваемости. Мама с Виталиком планируют праздновать вдвоём. Сама слышала их разговоры, и сердце сжимается от боли.

Тёти Вера и Валя не придут. Они не могут принять маминого избранника и ещё летом разругались из-за этого. Узнала об этом случайно, когда встретила из в магазине. Наши мнения о Виталике совпадают, но мама словно оглохла. Надела розовые очки и живёт в придуманном мире, где нет места реальности.

Так хочется открыть ей глаза на правду! Но сейчас это бесполезно. Виталик уже сделал своё дело, настроил маму против меня. Теперь я для неё непутёвая дочь, которая сидит на шее и не приносит пользы. Будто я не работаю, не учусь, не стараюсь!

Обидно до слёз, что родной человек отдаляется из-за мужчины, которого знает меньше полугода. Из-за человека, который разрушил наши с мамой отношения.

Часы тикают, отсчитывая последние дни старого года. А я сижу у окна, смотрю на сверкающие огни. Они такие яркие снаружи, но внутри у меня крошечная тьма. Только как жить дальше, когда сердце разрывается от боли и одиночества?

Глава 3. Сева

Эта неделя была просто адской. Четыре игры, три перелёта, мой мозг уже отказывается воспринимать эту суматоху. Три победы, одно поражение по буллитам... Металлический прикус поражения до сих пор во рту. Но хоккей он такой, здесь либо пан, либо пропал.

Вернулись вчера вечером, и вот она пара дней передышки перед тренировками. А потом... новогодние выходные, которых, как оказалось, у нас не будет. Наш тренер решил, что со второго января мы уже должны быть на льду. Мол, мы новички в КХЛ, нам нельзя расслабляться. Железная логика, ничего не скажешь.

Пригорело у всей команды, это ещё слабо сказано. Особенно у тех, у кого семьи, девушки. Я в их число не вхожу, так что мне, в принципе, по барабану. Планов на праздники особо не строил.

Но мы же хоккеисты народ изобретательный! Андрюха, наш защитник, который давно дружит с дочкой тренера, да и не только дружит, решил подсуетиться. И знаете что? У него получилось!

Николаевич у нас мужик суровый, как лёд в январе, но дочку любит больше, чем хоккей. Когда мы узнали, что он едет в Сочи на Новый год с ней, чуть не обнялись от радости. Все, кроме Андрюхи, у него были совсем другие планы на праздник с ней. И судя по тому, как он злился, там намечалось что-то серьёзное.

Мы с парнями даже подарок ей приготовили за помощь. Она долго сопротивлялась, но потом всё-таки согласилась. *«Всегда рада помочь»*, – сказала она с лёгкой улыбкой, а в её глазах мелькнуло что-то такое...

Зашёл в нашу любимую кофейню с пацанами отметить маленькую победу. И тут она... Маргарита. Стоит за стойкой, будто ангел спустился, такая красивая, хрупкая, нежная, как цветочек.

Смотрел на неё вчера и не мог насмотреться. Пока ждали заказ, не отрывал взгляда. Она колдовала над кофе, а её руки слегка дрожали то ли от волнения, то ли, потому что работает недавно. Хотя я-то знаю эту кофейню как свои пять пальцев, так как живу неподалёку.

Удобное расположение, это одно из преимуществ. Ледовый дворец рядом, куча кафешек, но эта... что-то особенное.

Есть места, в которые влюбляешься с первого взгляда. И эта кофейня именно такое место.

Располагается она в самом сердце города, буквально в двух шагах от ледового дворца. Казалось бы, что особенного? Таких заведений полно. Но нет. Здесь всё иначе.

Как только переступаешь порог, окутывает тёплая атмосфера домашнего уюта. Мягкие диванчики, приглушённый свет, ненавязчивая музыка, всё располагает к тому, чтобы задержаться подольше.

А какая тут выпечка! Свежайшая, ароматная, будто только что из печи. Каждое утро здесь готовят потрясающие завтраки, от которых просто слюнки текут. Омлеты, тосты, круассаны всё такое вкусное, что хочется пробовать снова и снова.

В такие места хочется возвращаться. И не просто возвращаться, а делать их частью своей жизни. Мне нравится бывать здесь среди этого особенного уюта и аромата свежесваренного кофе. А после вчерашнего визита вообще стала какой-то... родной, что ли.

Движения Цветочка такие плавные, будто она не кофе варит, а творит волшебство. А когда улыбается, то весь мир будто ярче становится. И этот её лёгкий румянец, когда замечает, что я смотрю...

Сегодня в автобусе я увидел её. Она сидела в наушниках, смотрела в окно, с таким мечтательным, но уставшим взглядом. В этот момент внутри что-то ёкнуло. Хотелось подойти, обнять, поцеловать и никогда не отпускать. Но я позволил себе только первый шаг, подошёл.

И знаете что? Она не отшила меня, как это обычно бывает. Наоборот, одарила такой искренней улыбкой, что у меня внутри всё перевернулось. Я сел рядом и невольно вдохнул её аромат. Кофе, шоколад и корица, божественное сочетание. Интересно, так пахнет любовь?

Только что я проводил её до аудитории, и уходить не хотелось совершенно. Хотелось остаться рядом, говорить с ней, просто молчать, держа за руку. Что со мной происходит? Может, это клиника? Или всё-таки любовь с первого взгляда? Никогда раньше я не испытывал ничего подобного при встрече с девушкой. Хотя сегодня, конечно, уже вторая наша встреча, но разве это важно?

Её улыбка до сих пор стоит перед глазами. А этот аромат... Шоколад, кофе, корица. Он словно отпечатался в моей памяти. И теперь я не могу перестать думать о ней.

Блин, я схожу с ума. Если это действительно, то самое чувство, о котором все говорят. То, что случается раз в жизни и переворачивает всё с ног на голову. Одно знаю точно: я хочу видеть её снова. Хочу вдыхать этот аромат. Хочу ловить её улыбку. Возможно, это звучит как бред, но мне хочется.

Если бы не эти чёртовы зачёты, которые нужно срочно досдать, я бы провёл с ней ещё хоть немного времени. Может, даже дождался бы после учёбы и проводил до работы, а потом и с работы... Но сегодня просто ад какой-то с расписанием.

Голова разрывается от мыслей: то про неё думаю, то про учёбу. Как вообще можно сосредоточиться на конспектах и зачётах, когда в голове только её улыбка, её аромат.

– О, Севыч, тебя где носит? – Ваню отрывается от телефона и смотрит на меня с ухмылкой.

– Да так, неважно, – отмахиваюсь я, стараясь не выдать своё раздражение. – А ты чего тут стенку подпираешь? Или препод уже тебя выпер?

– Ха! – Ваню смеётся, но как-то натянуто. – Наш Степашкин просто опаздывает. Позволил старосте. А сидеть в этой душной аудитории... ну его в баню! – он понижает голос и наклоняется ближе. – Тем более там эта Крис. Я её на дух не переношу.

– Да уж, – вздыхаю я, вспоминая, как эта Крис вечно пытается привлечь внимание парней из хоккейной команды. – И что, опять строит из себя королеву?

– Ага, – Ваню закатывает глаза. – Ты же её знаешь.

О-о-о, да я эту историю знаю как облупленную! Эта местная звезда уже успела облететь всех молодых и неженатых хоккеистов нашего универа, но все её отшили!

Была одна история с Лехой Вавиловым. Он реально втрескался в неё по самые уши, даже до предложения руки и сердца дошёл. А потом... Потом эта фифа оказалась обычной охотницей за статусом. Ей нужны были только деньги и положение рядом с хоккеистом.

Леха случайно услышал, как её подружки трепались в столовой. После этого он конкретно так впал в запой. Пришлось всей командой его вытаскивать. Даже Николаевич вмешался, помог с переводом в другую команду и универ. Чтобы парень смог всё забыть и начать жизнь с чистого листа.

Именно поэтому, Кристина для нашей команды – это большой красный флаг. И лучше держаться от неё как можно дальше.

– О, Лозинский, Гаврилов, неужели вы соизволили посетить мои пары, а именно зачёт? – с явной иронией в голосе обратился к нам Степанов Юрий Львович, наш преподаватель по правоведению. Он явно спешил, капли пота стекали по лбу, а тяжёлое дыхание выдавало недавнюю спешку. Но, несмотря на это, его глаза светились искренней радостью. – Что ж, я очень рад вас видеть! – продолжил он, окидывая нас внимательным взглядом.

Мы молча переглянулись и посмотрели на вход в аудиторию, где уже начали собираться другие студенты.

– Итак, первая часть зачёта, это тест, – продолжил Юрий Львович, расхаживая по аудитории. – Если тест решён без ошибок или с одной ошибкой, то автомат. А если две и больше, то вторая часть, устная.

Он раздал материалы, и мы погрузились в работу. В аудитории царил сосредоточенная тишина, прерываемая лишь шелестом переворачиваемых страниц и редким покашливанием. Каждый был погружён в свои мысли, пытаясь правильно ответить на вопросы и получить заветный автомат.

Я не отличник, но специальность выбрал осознанно то, что действительно нравится и пригодится в будущем, если вдруг решу оставить хоккей.

Хоккей ворвался в мою жизнь ещё в детстве, как стремительный вихрь. Именно бабушка стала моим первым тренером и самым преданным болельщиком. Каждое утро она собирала меня, везла через полгорода на тренировки, и ни разу не пожаловалась на усталость или трудности.

Сначала это было просто хобби, приятное увлечение после школы. Но постепенно лёд, клюшка и шайба стали чем-то большим. Я начал жить хоккеем, тренировался до седьмого пота, изучал приёмы, анализировал игры профессионалов. Это стало моей страстью, моим вторым дыханием.

А потом случилось то, о чём я даже не мечтал, после окончания школы меня пригласили в команду «Метеор». Это было настоящим прорывом! Я согласился не раздумывая. Первые тренировки, новые друзья, а главное первые деньги, которые я заработал своим трудом. Теперь хоккей стал не просто увлечением, а частью моей жизни, возможностью реализовать себя и, возможно, построить карьеру.

Новый сезон в новой лиге начался для меня особенным образом, меня выбрали капитаном команды. Это был момент, которого я не ожидал. Каждый день тренировок, каждая игра, каждая победа и поражение, всё это привело меня к этому.

Когда объявили о моём назначении, внутри всё затрепетало от гордости. Столько лет работы, усилий и стараний не прошли даром. Ребята из команды поддержали меня аплодисментами, а тренер, ухмыльнувшись, произнёс своё фирменное:

– Ты хоть и трепло, но самое грамотное трепло, которое умеет решать проблемы и уболтать любого.

В его словах была доля правды. Я всегда умел найти подход к людям, договориться, решить конфликт. Может, и правда трепло, но это качество не раз выручало команду в сложных ситуациях.

Теперь на мне лежала особая ответственность. Капитан – это не просто нашивка на форме, это доверие всей команды, это право вести ребят за собой, это возможность влиять на исход игры не только на льду, но и за его пределами.

Я понимал, что должен быть примером для всех и на тренировках, и в играх, и в жизни. Быть тем лидером, за которым команда пойдёт в бой, тем человеком, к которому придут за советом, тем капитаном, который не подведёт.

***

– Мля... Ну и денёк, – тяжело вздыхает Ваню, прикуривая сигарету. – Если бы я знал, что с учёбой будет такая головная боль, пошёл бы в физкультурный и жил бы себе припеваючи.

– А чего не пошёл? – усмехаюсь я, глядя на друга, который в ответ только криво ухмыляется.

– Лучше не спрашивай. Это моё личное жертвоприношение для родаков. – отвечает он, отводя взгляд.

– Понятно, – протягиваю я, глядя на спешащих домой людей. На часах шесть вечера, а мы только выбрались из универа. Мой желудок предательски сжимается и прилипает к позвоночнику, напоминая о том, что пора бы перекусить.

– Ладно, Ваню, я пошёл.

– Давай, Севыч, – мы пожимаем руки, и я направляюсь к остановке. Честно говоря, я уже отвык от общественного транспорта, но пришлось стать пешеходом, тачка в ремонте, и будет готова только послезавтра, аккурат перед самым Новым годом.

По дороге решаю заглянуть в кофейню проверить, работает ли сегодня мой Цветочек. Надеюсь, удача будет на моей стороне.

Моё сердце начинает биться чаще, когда я приближаюсь к знакомой вывеске кофейни.

Глубоко вдыхаю прохладный воздух и толкаю дверь кофейни. Знакомый аромат свежесваренного кофе окутывает меня тёплым одеялом. Внутри почти пусто, только пара посетителей у окна.

Оглядываюсь в поисках её фигуры. За стойкой стоит другая девушка.

– Здравствуйте! – бариста за стойкой улыбается мне. – Что будете заказывать?

– Латте большой и сэндвич с курицей, пожалуйста, – отвечаю, стараясь не выдать своего разочарования.

Опираюсь на стойку и украдкой оглядываю помещение. Может, она просто вышла на перерыв? Но нет, её нигде не видно.

Беру свой кофе и устраиваюсь у окна. Делаю глоток, но мысли постоянно возвращаются к двери. Надеюсь на чудо, я украдкой поглядываю в её сторону, и вдруг...

Она влетает в кофейню, словно маленький вихрь, оживлённо что-то рассказывая своей напарнице. Её жесты энергичны, а улыбка заразительна. Девушка за стойкой смеётся, отвечая ей, и я не могу оторвать глаз от этой картины.

Цветочек убегает куда-то вглубь помещения, а через пять минут появляется в униформе кофейни. И как же она прекрасна! Две очаровательные косички, кокетливая шляпа и фартук с логотипом заведения.

Улыбаюсь, не в силах отвести взгляд. Она поднимает глаза и замечает меня. Её улыбка становится ещё ярче, и в этот момент я понимаю – я пропал.

Её улыбка... Она словно магнит притягивает меня. Что-то в ней есть особенное, что заставляет сердце биться чаще. Не могу объяснить, но я словно растворяюсь в этом моменте.

«Чёрт возьми, что со мной происходит?» – проносится в голове. Никогда прежде я не испытывал такого сильного влечения к кому-либо. Она словно солнечный луч в пасмурный день, освещает всё вокруг и заставляет сердце трепетать.

И я понимаю, что она зацепила меня. Насквозь. Своей искренностью, улыбкой и той особенной энергией, которая исходит от неё.

Глава 4. Рита

До долгожданной свободы остались считанные шаги, всего пара зачётов, и я смогу выдохнуть полной грудью. Целых две недели свободы! Правда, есть одно «но», работа в кофейне никуда не денется. Но это мелочи.

Бросаю взгляд на часы, а до начала смены ещё целый час. Отлично! Хватая сумку, я почти бегом направляюсь к выходу из универа и бегу к остановке.

Этот преподаватель по журналистской этике и праву настоящая загадка! С виду такой безобидный, прямо божий одуванчик, а на лекциях и семинарах сама доброта и позитив. Улыбается всем, шутит, создаёт такую уютную атмосферу в аудитории, всегда выслушает, подскажет, поможет разобраться.

Но стоит только зайти речи о зачёте, и перед тобой словно другой человек! Настоящий зверь в человеческом обличье! Настоящий сплит! Он буквально до последнего мучил меня вопросами, не давая ни малейшей поблажки. И ведь не успокоился, пока не решил ставить мне три или четыре!

Сидишь там, трясёшься, как осиновый лист, а он так спокойно так: «Давайте-ка ещё раз пройдемся по этой теме, а то я не знаю какую оценку вам поставить...» И смотрит своими пронзительными глазами, будто насквозь видит все твои пробелы в знаниях.

А я-то думала, что подготовилась хорошо! Ан нет, он нашёл к чему придраться. До последнего сомневался, какую оценку поставить. Прямо как в кино, сидишь и ждёшь вердикта, затаив дыхание.

– Привет, Маш! – влетаю в кофейню, едва переводя дух. – Извини, опоздала... Там авария на дороге, и...

– Привет, Рит! Успокойся, всё хорошо, – Маша встречает меня тёплой улыбкой, и от её спокойствия внутри понемногу начинает таять тревога. Быстро выдыхаю и немного расслабляюсь. – Директора ещё не было, так что переодевайся и выходи, – продолжает она, и я благодарно киваю.

– Спасибо! – выпаливаю я и почти бегом направляюсь в подсобку.

Боже, как же я запыхалась! Бежала от остановки так, будто за мной гнались все демоны ада. Футболка мокрая от пота, волосы растрепались, а щёки горят. Хорошо, что здесь униформа никто не увидит, какая я взъерошенная и потная. Фух, хотя бы не придётся весь день чувствовать себя неловко и ходить вонючкой.

Оглядываю себя в зеркало. Ну что ж, униформа сидит отлично, волосы собраны в косички, и никто даже не догадается, что я только что прибежала.

В кармане начинает вибрировать телефон, и я машинально достаю его, надеясь увидеть что-то важное. Но нет...

Мама: Рита, я сегодня буду поздно, у меня корпоратив. Приготовь ужин для Витали.

Ааааа... Как же это бесит! Сжимаю телефон в руке, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Решаю ничего не отвечать маме. Я тоже буду работать допоздна, между прочим!

И почему я должна заботиться о его ужине? Он что, сам не в состоянии себе что-нибудь приготовить? Или опять включит режим бедного несчастного, которому нужна постоянная забота?

Какой он, по сути, бытовой инвалид.

«Лапки у него что ли?», – иронично усмехаюсь про себя. И правда, иногда кажется, что мы завели себе кота, а не живём с человеком. Тот же независимый взгляд, те же требования к заботе и те же ожидания, что кто-то другой решит все его проблемы.

Глубоко вздыхаю, пытаюсь успокоиться. Не стоит позволять этому портить настроение перед сменой. Но осадок остаётся...

«Ну что ж, – решаю я, – пусть сам разбирается. Я не его личная домработница».

С этими мыслями убираю телефон в карман и...

– Маша, где Маргарита? – слышу я резкий голос директора, от которого по спине пробегает неприятный холодок.

«Чёрт, только этого не хватало!» – мысленно ругаю себя, быстро натягивая фартук и хватая первую попавшуюся коробку, чтобы создать видимость работы.

– Здравствуйте, Семён Сергеевич! – выскакиваю из подсобки с коробкой салфеток и стаканчиков на вынос, стараясь выглядеть максимально занятой.

– Маргарита! – его голос звучит настолько строго, что у меня внутри всё сжимается, а по спине пробегает холодок – На сайте нашей кофейни оставили отрицательный отзыв. Ты работаешь уже неделю и должна была выучить рецептуру всех напитков!

Я сразу понимаю, о ком он говорит, эта надменная дама со своим «латте на кокосовом» просто не могла не пожаловаться.

– Вы слышите меня, Маргарита? – директор ждёт ответа, а я пытаюсь собраться с мыслями.

– Да-да, – киваю, стараясь сосредоточиться.

– Если ещё раз такое повторится, ты будешь уволена. А теперь за работу! – он громко хлопает дверью своего кабинета, и мы с Машей вздрагиваем от этого звука.

– М-да... – протяжно вздыхает Маша, а я чувствую, как внутри всё опускается. Похоже, бариста из меня действительно не самый лучший.

– Рит, не расстраивайся, – Маша подходит ближе, – такие клиенты бывают у всех. У меня тоже случались подобные ситуации, правда, они не писали отзывы. Скорее всего, тебе просто попался тот редкий экземпляр, которому некуда девать свой яд.

Её слова вызывают у меня нервный смешок.

– Маш, – улыбаюсь сквозь напряжение, – спасибо тебе за поддержку.

Глубоко вдыхаю, пытаюсь собраться с мыслями. Да, ошибки случаются, но главное учиться на них и становиться лучше.

Оставшаяся часть смены пролетает словно на крыльях. После напряжённого утра всё складывается как нельзя лучше, никаких конфликтных ситуаций, только довольные клиенты и приятная атмосфера.

После обеда директор, к счастью, уходит по своим делам, оставляя нас с Машей одних.

Мы с напарницей находим свой особый ритм: она принимает заказы, я готовлю напитки, и наоборот.

– Двойной эспрессо с собой! – кричит Маша, и я уже знаю, что нужно делать.

– Капучино без сахара! – следующий заказ, и мои руки сами находят нужные кнопки на кофемашине.

Время летит незаметно. Мы успеваем и поболтать, и посмеяться, и даже поделиться секретами.

Вибрация телефона резко прерывает наш разговор. На экране высвечивается «Мама».

– Да, мама, слушаю, – отвечаю, стараясь сохранять спокойствие.

– Рита, ты почему ещё не дома? – в мамином голосе слышится явное возмущение. – Виталик звонил, сказал, что тебя нет, а он домой не может попасть. Ключи потерял, – обречённо вздыхает она.

– Потому что я на работе, мама, и освобожусь не раньше десяти. Поэтому твоему Виталику придётся подождать, – стараюсь говорить ровно, но раздражение всё равно прорывается.

– Меня не интересует, где ты сейчас. Живо домой... – и бросает трубку.

Вот и поговорили. Ну что за человек этот Виталик, одно недоразумение ходячее!

– Маш, можно я быстро домой сбегаю, дверь одному недоразумению открою и вернусь? – сжимаю руки на груди в безмолвной мольбе.

– Беги, я справлюсь, – спокойно отвечает подруга.

– Спасибо-спасибо! – обнимаю её на ходу, быстро собираю вещи и выбегаю из кофейни.

Бегу по улице, злясь на ситуацию, но понимая, что другого выхода нет. Придётся спасать этого великовозрастного ребёнка, который не может позаботиться о себе сам.

Добираюсь до дома за десять минут быстрым шагом. И радуюсь, что живу недалеко от работы. Захожу во двор, и что я вижу? Это недоразумение стоит у подъезда, переминается с ноги на ногу и курит. Замечает меня, и его лицо почему-то становится злым и неприветливым.

– Тебя, где носит, соплячка?! – рывкает он.

– Там, где ты никогда не бывал за всю свою жизнь, на работе! – цежу сквозь зубы, направляясь к двери. Оборачиваюсь и добавляю с издёвкой: – Хотя постой, тебе это слово, наверное, даже не знакомо! – начинаю откровенно издеваться, потому что он меня просто выводит из себя, и скрывать это я не собираюсь.

– Ты мне поговори ещё! – рычит он.

Молчу. Тратить свои драгоценные нервные клетки на этого персонажа я не намерена. Открываю дверь и пропускаю его, как заправский швейцар.

– Прошу! – выдавливаю из себя фальшивую улыбку и громко захопываю дверь прямо перед его носом. Спускаюсь по лестнице, потому что мне пора возвращаться на работу.

– Эй, соплячка, а ну вернись! А кто ужин готовить будет? В холодильникемышь повесилась! – орёт он мне вслед.

– Пошёл ты! – отвечаю, не оборачиваясь. – Большой дядя уже, сам справишься! Может, даже вспомнишь, что у тебя есть руки и мозг! – добавляю с сарказмом и ускоряю шаг, наслаждаясь его возмущённым воплем.

Бегу на работу, Маша должна уйти в шесть, и я не могу её подвести, она ведь всегда выручает меня.

«Счастливый человек», – думаю с лёгкой завистью. Как же хочется оказаться дома, скинуть ботинки, упасть на диван и просто ничего не делать. Усталость накатывает волнами, каждая мышца ноет, а глаза словно песком засыпаны.

И всё же... Если подумать о том, что ждёт меня дома, недовольный Виталик, пустой холодильник и вечное чувство обязанности перед мамой... Работа вдруг начинает казаться самым уютным местом на земле. Здесь хотя бы есть понимающая Маша, вкусный кофе и возможность отвлечься от домашних проблем.

«Может, мне вообще переехать в кофейню?» – усмехаюсь своим мыслям. Ну а что? Хотя, если честно, эта мысль уже не кажется такой абсурдной.

– Машка, я вернулась! – влетаю в кофейню, пытаюсь отдышаться. Воздух будто застревает в лёгких, а сердце готово выпрыгнуть из груди.

– Ты что, бежала? – Маша поднимает брови, глядя на моё покрасневшее лицо.

– Ага! – выдыхаю, пытаюсь восстановить дыхание. – Представляешь, этот великий повелитель дивана и пульта от телевизора умудрился потерять ключи! Стоял мёрз, и знаешь, что он у меня попросил? Чтобы я ему приготовила ужин! Вот где таких мужиков делают, скажи мне? И на что моя мама вообще повелась? Да он просто... просто...

– Ритка, ты хоть его послала с такой просьбой? – в голосе Маши слышится искреннее возмущение.

– Послала его куда подальше, конечно! Знаешь, что самое забавное? Он, наверное, думает, что готовка это как в его любимой игре: нажал кнопку и готово! А то, что продукты нужно купить, помыть, порезать... – делаю драматичную паузу. – Это слишком сложно для нашего великого стратега!

– Ха-ха, и что он?

– А что он? Явно встал в позу и начал возмущаться! Я не смотрела на него в этот момент. – усмехаюсь – Как будто я его личная прислуга.

– Рит, ты просто уже мастерски издеваешься над ним! – смеётся Маша.

– Спасибо! Месяцы практики не прошли даром. Теперь я могу любую его претензию превратить в шутку или позлорадствовать!

– Беги переодевайся, а то совсем запыхалась.

– Ладно, бегу. – Киваю и делаю шаг к подсобке – Но знаешь... иногда мне кажется, что Виталик это просто кот, который научился говорить и ходит на двух лапах. Только вот горшок за ним никто не убирает!

Снова кладу вещи сушиться не день, а какой-то марафон! Бегаешь туда-сюда, как белка в колесе. А этот Виталик... Серьёзно, что мама в нём нашла?

«Может, она просто не видела его в действии?» – усмехаюсь своим мыслям, глядя на своё отражение в зеркале.

Привожу себя в порядок, поправляю причёску и возвращаюсь в зал.

– Ну что, готова к работе? – спрашивает Маша, и я киваю.

– Более чем. По крайней мере, здесь я точно знаю, что делаю, и никто не требует от меня готовить ужин, – подмигиваю напарнице, и мы обе смеёмся.

Выхожу за стойку и с лёгким сердцем отпускаю Машу домой. Сама же принимаюсь за работу, принимаю заказ у очередного клиента. Как же приятно, когда люди заказывают что-то простое, без этих модных выкрутасов! Эспрессо, капучино, латте, это классика всегда в цене.

Отдаю заказ и машинально окидываю взглядом зал. И тут наши глаза встречаются... С Севой. Сердце пропускает удар, а уголки губ сами собой ползут вверх. Дарю ему улыбку, такую искреннюю, какую только могу, и возвращаюсь к работе, стараясь не выдать своего волнения.

Интересно, он всегда сюда приходит или это из-за меня?

Боже, о чём я только думаю! Может, он вообще маньяк, а я тут размечталась? Хотя нет, глупости какие-то. Я ещё молода, красива, у меня столько планов впереди... Стоп, Симонова, ты совсем уже!

Он ведь правда очень милый. И смотрит так... с такой нежностью, что по спине пробегают мурашки, а внутри разливается тёплое, приятное чувство. Может, я просто слишком много сериалов смотрю?

– Рита, привет! – слышу знакомый голос и резко оборачиваюсь.

Его голубые глаза словно пронзают насквозь, а улыбка... О боже, эта улыбка вызывает настоящий табун мурашек по всему телу. Щеки мгновенно заливают румянец, и я не могу понять, что со мной происходит.

– П-привет! – отвечаю робко, не в силах оторвать от него взгляд.

– Цветочек, можешь сделать мне два латте, пожалуйста? – его обращение заставляет моё сердце биться чаще. Почему он называет меня так? – Эй, отомри, а то замёрзнешь! – подмигивает он, и я осознаю, что всё это время просто стояла и пялилась на него как дура.

– Да, сейчас, всё сделаю! – начинаю суетиться возле кофемашины.

Быстро готовлю латте, этот напиток один из самых популярных в нашей кофейне, и я уже научилась делать его с закрытыми глазами. Ставлю перед ним заказ и... он берёт один стаканчик, а второй пододвигает мне. Что?!

– Это тебе, – говорит, кладя рядом мою любимую шоколадку с орехами и изюмом. Ммм... Это опасный приём в отношении меня.

– Спасибо, но...

– Что «но»?

– Ничего, – тараторю быстро.

– Я угадал с вкусом? – хитро улыбается он.

Откуда ты такой взялся, Сева? Словно читаешь мои мысли.

– Да, угадал, – улыбаюсь в ответ, чувствуя, как внутри разливается тепло.

– Это хорошо, – улыбается он, не отрывая от меня взгляда.

О боже, как же это смущает! Чувствую, как краска приливает к щекам.

Нет, конечно, мне и раньше дарили шоколадки и всякие сладости. Но никогда прежде я не испытывала такого смущения! Может, всё дело в том, как он смотрит на меня?

С одной стороны, мне безумно приятно, его внимание, забота, этот тёплый взгляд. А с другой... меня это напрягает немного.

Глава 5. Сева

Моё сердце замирает от непонятного чувства. Я её напугал? Этого точно не должно было случиться... Я ожидал другого эффекта.

Когда выбирал шоколад, то просто взял свою любимую марку, и как оказалось неожиданно попал в точку. Когда увидел блеск в её глазах, когда она улыбнулась, держа в руках маленькую плитку... Внутри что-то ёкнуло. Неужели я способен угадывать такие мелочи?

Но страха в её взгляде... Мне было это непонятно.

Может, она просто никогда не получала таких знаков внимания? Или, возможно, в её жизни был кто-то, кто не уделял внимание таким мелочам?

Хотя я не понимаю тех, кто считает романтическими жестами лишь громкие слова, не догадываясь, что иногда маленькая шоколадка значит больше, чем пустые обещания. Кто не видел красоты в простых вещах, не умел делать приятно без повода, не стремился сделать её дни чуточку ярче.

Может быть, именно поэтому она так настороженно относится к моим знакам внимания. Когда она поблагодарила меня снова, в её голосе слышалась искренняя теплота. Но стоило мне предложить её проводить после работы, как её реакция была паническая, и она словно закрылась на все замки.

Кажется, придётся действовать очень осторожно. Шаг за шагом, не спеша, чтобы не спугнуть это хрупкое создание. Я хочу научиться читать её без слов, угадывать желания, дарить радость в самых неожиданных моментах.

Я готов быть тем, кто увидит в обыденном нечто особенное, кто научится говорить на языке её сердца. И пусть это займёт время, я готов ждать, лишь бы однажды увидеть в её глазах не страх, а доверие.

Ведь она стоит всех этих усилий.

Пока я сидел в кофейне, мы очень много говорили, обменивались историями, она рассказывала о забавных случаях на работе и в жизни, я делился воспоминаниями из поездок. Рита шутила постоянно, её смех, лёгкий и звонкий, то и дело наполнял пространство кофейни. Она смеялась, запрокидывая голову, а потом тут же прикрывала рот ладонью, будто стесняясь собственной непосредственности.

В разговоре я понемногу узнавал её: как она любит вечер по четвергам, потому что в это время почти нет посетителей; как однажды случайно добавила в капучино вместо корицы молотый перец; как мечтает, когда-нибудь найти другую работу, но уже по специальности. Правда я не успел узнать на кого она учится. Но на вопросы о себе она отвечала активно, а вот мне задавала их редко.

Периодически её внимание отвлекали новые клиенты: она вставала, приветливо улыбалась, принимала заказ, шутила с постоянными гостями. Я наблюдал за ней, за тем, как ловко она управляется с кофемашиной, как на секунду задерживает взгляд на пенке латте, проверяя узор, как поправляет прядь тёмно-русых волос, выбившуюся из небрежного хвоста. Её серо-голубые глаза в эти моменты становились особенно яркими, а на щеках появлялся лёгкий румянец то от тепла кофемашины, то от неловкости, когда она замечала, что я всё ещё смотрю на неё.

Я впитывал каждую мелочь: линию скул, чуть приподнятых в улыбке, пухлые губы, которые то растягивались в шутливой гримасе, то сжимались, сдерживая смех. В какой-то момент я понял, что уже не слежу за нитью разговора просто любуюсь ею, теряюсь в этих деталях.

Рита, кажется, начала замечать мой пристальный взгляд. Сначала она отвечала улыбкой, потом стала чаще отводить глаза, терев край фартука, будто искала повод отвлечься.

Однажды, поймав мой взгляд в очередной раз, она слегка покраснела и, смущённо усмехнувшись, сказала:

– Ты так смотришь, будто пытаешься запомнить меня наизусть.

Я смутился, но не отвёл глаз:

– Наверное, так и есть.

Она на секунду замерла, потом рассмеялась, но в этом смехе уже не было прежней лёгкости. Я почувствовал, что перехожу невидимую границу, и поспешил сменить тему, спросив о её любимом фильме. Рита с облегчением ухватилась за вопрос, заговорила оживлённо, жестикулируя, и напряжение понемногу растаяло.

Время летело незаметно, но я не хотел наглеть. Видел, как она время от времени поглядывает на часы, как усталость проступает в мелких движениях в том, как она проводит рукой по лбу, как чуть сутулится, стоя у стойки. Когда я понял, что мне уже пора, то я поднялся, поблагодарив её за разговор. Рита кивнула, улыбнулась уже спокойнее, почти профессионально, но в глазах всё ещё было что-то тёплое то ли благодарность, то ли невысказанное «до встречи».

Когда я вышел из кофейни, сразу ощутил, насколько беспощадна сегодня погода. Снег кружится перед глазами плотной завесой, забываясь за шиворот, лезет в глаза. Ветер пронизывает до костей, а видимость и вправду почти нулевой, словно мир растворился в белой круговерти.

Я поёжился и поглубже засунул руки в карманы. В такую погоду без машины, это настоящее испытание. Медленно иду по тротуару, проклиная свою удачу, и невольно думаю о Рите. Как она пойдёт домой после смены? К тому времени тротуары наверняка покроются сугробами, а если ей ещё и ехать куда-то далеко... От этой мысли внутри что-то сжалось.

Останавливаюсь перед пешеходным переходом, дожидаясь зелёного сигнала. В голове крутятся варианты: может, провести её? Дождаться у кофейни, заказать такси, убедиться, что она добралась до дома... Идея, кажется, одновременно и правильной, и неловкой. Что она подумает? А вдруг испугается? Но я тут же одёргиваю себя...

Да что за глупости? Я же не собираюсь к ней приставать. Просто хочу помочь. Это нормально.

Смотрю на часы, а до конца её смены ещё два часа.

Я разворачиваюсь, шаг за шагом возвращаюсь к тёплому свету кофейни

По пути прокручивал в голове, как это лучше сделать. Подойти и прямо сказать или может, сначала зайти, выпить ещё кофе, ненавязчиво спросить, как она планирует добраться... А там уже предложить помощь. Главное не перегнуть, не напугать. Я ведь правда не хочу ничего, кроме как убедиться, что с ней всё будет в порядке.

Даже если она просто поблагодарит и откажется. Даже если посмотрит с недоумением. Всё равно это будет правильно.

Ветер бьет в лицо, снег липнет к ресницам, а в кармане начинает настойчиво вибрировать телефон, ритм такой, что игнорировать уже невозможно. Руки и так окоченели от холода, но приходится доставать аппарат. Экран слепит в полумраке, пока я принимаю вызов.

– Здравствуйте! Вас беспокоят из автосервиса. Ваша машина готова, ждём вас. Если успеете до закрытия, можете забирать сегодня.

На секунду замираю, переваривая новость. Это же... идеально. Без машины я уже отвык, а вечно зависеть от автобусов и такси невыносимо.

– Здравствуйте! Да, я в течение получаса подъеду, – отвечаю, стараясь скрыть облегчение в голосе.

Скидываю вызов, тут же открываю приложение такси. Цена? Да плевать. Сейчас главное забрать машину.

Поездка до автосервиса проходит как в тумане, снег всё так же кружит за окном.

В сервисе всё быстро: подписываю бумаги, оплачиваю вторую половину за ремонт, получаю ключи. Машина блестит под тусклым светом ламп, словно новенькая. Провожу ладонью по крылу, ощущая тепло металла.

Смотрю на часы, время ещё есть. Достаточно, чтобы вернуться к кофейне и встретить Риту. Мысль о том, что она будет добираться домой в такую метель, снова сжимает сердце.

Сажусь в машину, прогреваю двигатель и медленно трогаюсь с места.

Главное, чтобы она согласилась.

Я стою у машины около кофейни уже двадцати минут. В руках – букет альстрёмерий. Вспомнил, как во время разговора Рита с восторгом описывала эти цветы:

– Они такие нежные, но в то же время стойкие – будто говорят: Я красивая, но не хрупкая.

Тогда я мысленно отметил, что надо запомнить. И вот теперь держу в руках именно их, с оттенками розового и персикового, с изящными тёмными пятнышками на лепестках.

Вижу, как в кофейне гаснет свет. Рита торопливо собирает вещи, проверяет кассу, запирает витрину. Её движения чуть суетливы, но привычны видно, что она делает это не в первый раз.

Делаю пару шагов к выходу, но вдруг замираю. К ней подходит какой-то парень. Его улыбка кажется мне наглой, развязной. Он что-то говорит, приближаясь слишком близко, и я вижу, как Рита меняется в лице.

Её глаза расширяются от испуга, губы сжимаются в тонкую линию, а пальцы непроизвольно стискивают ремешок сумки так, что костяшки белеют. Она пытается что-то ответить, жестикулирует, голос звучит резко, но в нём слышна дрожь.

Внутри что-то вскипает. Не раздумывая, делаю несколько быстрых шагов, обнимаю Риту со спины, мягко, но уверенно притягиваю к себе. Чувствую, как она на секунду напрягается, а потом словно обмякает в моих руках.

– Цветочек, всё хорошо? Тебя обижают? – спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно.

Она замолкает, поднимает на меня глаза. В них смесь облегчения и растерянности. Легонько кивает головой. И я понимаю, что не все в порядке.

Глава 6. Рита

Чёрт бы побрал моего бывшего!

Ну серьёзно. Пара-тройка свиданий и всё, финита. Не зацепило. Совсем. Вроде парень как парень: и улыбается, и шутит, и одет нормально... А внутри пустота. Как будто смотришь на красивую обёртку, а конфеты-то и нет.

И ладно бы просто «не зацепило», так ещё и эти его «свидания мечты», на которых я должна была сама за себя платить. Нет, я не меркантильная. Честно. Просто на тот момент у меня в кошельке гулял сквозняк. Стипендия, это дело тонкое: сегодня есть, завтра нет, а до следующей ещё дожить надо.

Помню, как честно сказала ему:

– Извини, в кино не смогу. Денег почти не осталось, только на проезд до стипендии.

А он смотрел так, с лёгким презрением, и выдал:

– Ну, если девушки так рьяно отстаивают свою независимость и права, то пусть и платят сами.

Я даже опешила. Стою, моргаю, а в голове только одно: «Что?!»

Во-первых, я никогда не кричала на площадях о женской независимости. Во-вторых, при чём тут вообще права, если речь о банальной нехватке денег? В-третьих... да даже если бы и отстаивала, то это не повод вести себя как последний жлоб.

Просто развернулась и ушла. Без криков, без скандалов. Молча. А потом, раз и в чёрный список в соцсетях и мессенджерах. Чисто для профилактики. Чтобы не всплывал.

И ведь сработало! Ни слуху ни духу. До сегодняшнего вечера.

Как только Сева ушёл, я выдохнула с облегчением. Его внимание, хоть и приятное, всё же слегка смущало, слишком уж настойчиво он смотрел, слишком внимательно слушал. Но, как оказалось, лучше бы я и дальше смущалась рядом с ним.

Спустя минут двадцать в кофейню вошёл Семён. Внутри всё сжалось, мне захотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть его. К счастью, поток клиентов не дал ему возможности подойти и заговорить со мной, и я мысленно поблагодарила судьбу за эту передышку.

Но вот теперь передышка закончилась. Я не просто не рада, я зла. Настоящая, горячая злость поднимается изнутри, сжимаю сумку так, что пальцы белеют.

– Семён, что тебе нужно? – спрашиваю, прищурившись, стараясь держать голос ровным.

– Детка, ты чего такая злая? – он тянет ко мне руки, и я инстинктивно отступаю назад, врезаясь спиной в чью-то твёрдую грудь. Напрягаюсь всем телом, но тут же расслабляюсь, почувствовав, как чьи-то руки уверенно обнимают меня за талию.

– Цветочек, всё хорошо? – раздаётся знакомый голос. Сева. Что он тут делает так поздно? Впрочем, неважно. Сейчас он самое лучшее, что могло случиться. В его объятиях неожиданно спокойно, словно весь мир за пределами этих рук перестал существовать. – Тебя обижают? – спрашивает он ровным, почти бесстрастным голосом, но в нём чувствуется стальная решимость.

Семён на секунду замирает, потом криво усмехается:

– Да какие обиды, мы просто разговариваем.

Сева не отпускает меня, лишь чуть сильнее сжимает мою талию.

Мне не хочется, чтобы они подрались. Но и сказать, что всё хорошо, я не могу. А вдруг Сева уйдёт, и я останусь с Семёном наедине? От одной этой мысли по спине пробегает ледяной озноб, а руки начинают мелко дрожать.

Поднимаю взгляд на Севу. Он смотрит не отрываясь, ждёт моего ответа. Я лишь киваю головой едва заметно, но он понимает. В его голубых глазах вспыхивает такая ярость, что

невольно хочется сжаться. Но тут же осознаю, что этот взгляд не для меня. Он направлен на Семёна.

– Детка, а у тебя новый ухажёр? – с издёвкой тянет Семён. – Быстро же ты мне замену нашла. Ну как? Он обеспечивает все твои хотелки? – кивает в сторону Севы.

Сева едва слышно рычит, его глаза темнеют так, что голубая радужка почти растворяется в зрачках.

– Ты смотри, она слишком дорогое удовольствие, – хмыкает Семён и резко дёргается, когда Сева делает шаг вперёд, заноса кулак.

– Сева, стой! – выкрикиваю я, бросаясь между ними. – Севушка! Пожалуйста! Давай уйдём.

Я упираюсь ладонями в его напряжённую грудь, чувствую, как он дышит тяжело, почти рычит, но я не отступаю.

– Пожалуйста, не надо! – шепчу чуть громче, глядя ему в глаза. – Мне страшно.

Сева замирает. Его грудь всё ещё ходит ходуном, но взгляд постепенно смягчается. Он медленно опускает руку, не отрывая от меня глаз.

– Хорошо, – наконец произносит он, голос звучит глухо, но уже без прежней ярости. – Пойдём..

Он слегка улыбается уголками губ, обнимает меня за плечи и целует в висок...

Что?! Он меня поцеловал?

Это было так нежно, так мягко, и настолько неожиданно, что я на секунду теряю дар речи. По телу пробегает тёплая волна, смешиваясь с остатками тревоги. Я невольно прикасаюсь пальцами к виску, словно пытаюсь удержать это прикосновение.

Сева осторожно берёт меня за руку, переплетая наши пальцы. Тепло его ладони немного успокаивает, но внутри всё ещё дрожит. Он ведёт к дороге, где припаркована его машина. Движения уверенные, почти бережные. Усаживает на пассажирское место, аккуратно пристёгивает ремень безопасности, закрывает дверь. Слышится щелчок блокировки, и он разворачивается в сторону Семёна.

Внутри всё сжимается. Сева заметно выше, шире в плечах один его вид внушает уважение. А в глазах до сих пор плещется не выплеснутая ярость. Я впираюсь пальцами в сиденье, наблюдая, как они о чём-то говорят. Губы Семёна кривятся в усмешке, но он не делает ни шага вперёд. Сева же говорит тихо, но так, что даже на расстоянии чувствуется вес каждого слова.

Сердце колотится как безумное. Я представляю, как всё может обернуться: резкий взмах руки, удар, крики, полиция... Но нет. Сева лишь делает шаг назад, кивает, словно подводя черту, и направляется к машине.

Выдыхаю с таким облегчением, что чуть не задыхаюсь.

Он садится за руль, заводит двигатель и резко срывается с места, ловко вплетаясь в поток машин. В салоне повисает тяжёлая тишина, нарушаемая лишь шумом колёс.

Я внимательно наблюдаю за ним. Вижу, как он напряжён: стискивает зубы, на скулах играют желваки. Перевожу взгляд на его руки, которые сжимают руль так крепко, что костяшки пальцев белеют.

– Сева! – тихо зову я, кладу ладонь на его плечо. Надеюсь, этот жест хоть немного его успокоит.

Мы останавливаемся на светофоре. Он медленно поворачивает ко мне голову, взгляд пронзительный, серьёзный.

– Он не успел сделать тебе ничего плохого? – спрашивает твёрдо, без тени улыбки.

– Если не считать истраченных нервов, то, пожалуй, нет, – отвечаю я и замечаю, как он глубоко выдыхает, плечи чуть опускаются, напряжение понемногу отпускает. – Ой! – вдруг вспоминаю я.

– Что такое? – тут же реагирует он, снова весь внимание.

– Я же не сказала тебе адрес, где я живу. Тут недалеко: на следующем светофоре повернуть направо, потом во дворы. Большой красный дом с аркой, он там один, не промахнёшься.

– Хорошо, Цветочек, довезу в целости и сохранности, – подмигивает он, и в этом жесте вдруг проскальзывает что-то тёплое, почти домашнее.

Машина плавно трогается с места, вливаясь в вечерний поток. Я украдкой наблюдаю за Севой: плечи уже не так напряжены, дыхание ровнее, а в глазах не ярость, а сосредоточенность.

Тишина в салоне больше не давит. Теперь она кажется... уютной. Когда машина сворачивает во двор, я указываю на красный дом с аркой:

– Вот здесь. Спасибо, что подвёз. И... за всё.

Он паркуется, поворачивает ко мне голову:

– Не стоит. Я просто не мог поступить иначе. – В его голосе искренность, от которой внутри становится тепло. Я прикрываю глаза и чувствую, как на колени мне кладёт... Цветы!? – Это тебе. Помнишь, ты говорила, что альстрёмии твои любимые? – Я на секунду застываю в недоумении, а потом искренне улыбаюсь, беру цветы, прижимаю к груди, вдыхая их аромат.

Я открываю дверь, но на секунду задерживаюсь.

– Они прекрасны... Спасибо.

– Может, как-нибудь... выпьем вместе кофе? В спокойной обстановке? – спрашивает Сева, пока я не сбежала, и я вижу как он улыбается, на этот раз по-настоящему, широко и светло.

– Я подумаю – улыбаюсь в ответ и бегу домой.

На душе так хорошо, тепло, спокойно. Меня ещё никто так не защищал. И не обнимал так крепко. От этих мыслей внутри разливается приятное, почти невесомое чувство. Поднимаюсь по лестнице, невольно улыбаясь своим мыслям.

Но стоит переступить порог дома, всё меняется в один миг.

– О, пришла, – раздаётся из коридора.

Виталик стоит в привычной позе, подпирая косяк двери. Те же треники, та же майка. Неужели он каждый день ждёт моего прихода, чтобы снова начать свои издевательства?

Стараюсь не обращать на него внимания. Спокойно раздеваюсь, беру цветы, альстрёмии всё ещё пахнут нежно и свежо, и направляюсь на кухню за вазой.

– Откуда веник? Неужели хахаль появился? – он семенит следом, не упуская шанса зацепить.

Я молчу. Знаю, что стоит только ответить, он тут же ухватится за слово, начнёт донимать, раскручивать разговор. А я не хочу портить вечер, не хочу, чтобы это тёплое, хрупкое чувство внутри рассыпалось на осколки от его грубых слов.

Моё молчание явно раздражает его. Он резко бьёт ладонью по шкафчику – я вздрагиваю от громкого звука.

– Я с кем разговариваю, соплячка? Ты совсем...

– Витюша, я пришла! Тебе сейчас такое расскажу! – из прихожей раздаётся мамин голос.

Виталик тут же исчезает в коридоре. Я выдыхаю, прислоняюсь к столешнице, закрываю глаза на секунду. Руки слегка дрожат.

В этот момент осознаю, что я чувствую себя чужой в этом доме. Впервые за много лет мне уже несколько месяцев некомфортно здесь. Непросто некомфортно чуждо. Как будто это больше не моё место.

За окном темно. Метель заметает дороги и тротуары, превращая город в сказочное царство белых вихрей. Настоящее волшебство перед Новым годом огни фонарей размываются в снежной круговерти, а редкие прохожие спешат укрыться в тепле домов.

Город уже спит. Многие вернулись к своим очагам, живут своей тихой вечерней жизнью. Где-то, кто-то, возможно, чувствует то же, что и я сейчас это хрупкое, робкое ощущение, что

где-то есть место, где тебя ждут и защищают. Место, где можно просто быть собой, не ожидая колкого слова или резкого движения.

А здесь... здесь я просто жду, когда смогу спокойно и незаметно проскочить к себе в комнату.

Быстро делаю чай, аромат бергамота мягко разливается по кухне, нарезаю пару бутербродов. Каждый звук кажется слишком громким в этой напряжённой тишине дома. Оглядываюсь, убеждаюсь, что никого рядом нет, и тихо, почти на цыпочках, направляюсь к своей комнате.

Запираю дверь на замок, этот щелчок словно ставит барьер между мной и всем, что ждёт по ту сторону. Вздыхаю с облегчением.

Ставлю цветы на стол. Альстрёмории в полумраке выглядят особенно нежно, их пастельные лепестки словно светятся изнутри. Протягиваю руку, осторожно провожу пальцем по одному цветку. Вспоминаю, как Сева протянул мне этот букет, так неожиданно, так трогательно.

Потом нахожу в сумке шоколадку ту, что подарил Сева, но не успела съесть. Сажусь на кровать, включаю любимый сериал. Экран мерцает, наполняя комнату приглушённым светом и знакомыми голосами героев.

Откусываю шоколад сладкий, с лёгкой горчинкой, и наконец позволяю себе расслабиться. Здесь, в этой маленькой крепости, я могу быть просто собой. Могу не ждать подвоха, не вздрагивать от каждого звука, не подбирать слова, боясь спровоцировать очередной конфликт.

За окном всё так же кружит метель, но теперь она кажется не враждебной, а убаюкивающей. Я укутываюсь в плед, подтягиваю колени к груди и смотрю сериал, чувствуя, как постепенно уходит напряжение дня.

Глава 7. Рита

Эти четыре дня выдались просто невыносимыми. Зачёты один за другим, каждый как марафон: конспекты до поздней ночи, попытки успеть всё и сразу. А после учёбы работа в кофейне, где каждая смена тянется бесконечно, особенно когда ноги уже не держат, а в голове каша.

Но самое тяжёлое ждало дома. Мама, едва я переступала порог, обрушивала на меня лавину упреков: «Опять поздно! А кто будет помогать по дому? Ты только о себе думаешь!» Я пыталась объяснить, что учусь и работаю, но слова тонули в потоке её недовольства.

Вишенкой на этом торте стал Виталик. Он, видимо, решил окончательно испортить мне жизнь. Нашёл повод доложить маме, что меня якобы возят на дорогой машине и дарят букеты. Хотя всё было ровно один раз, четыре дня назад, когда Сева...

При мысли о нём внутри что-то сжимается. С того вечера он больше не появлялся в кофейне. И бывший тоже пропал и это, пожалуй, единственное, что радовало. Но Сева... Почему его нет?

Меня это беспокоит всё сильнее. Вдруг у него что-то случилось? А я даже не могу ему позвонить его номера у меня нет. Ни соцсети, ни общих знакомых... Только воспоминание о его руках, крепко обнимающих меня, о спокойном голосе, о том чувстве защищённости, которое я испытала в его присутствии.

Сегодня тридцатое декабря. На улице зимняя сказка: снежинки кружатся в свете фонарей, на карнизах уже выросли изящные ледяные кружева. Но мне не до красоты. После смены в кофейне ноги гудят, спина ноет, а в голове только мысль о том, как бы поскорее юркнуть к себе в комнату и никуда больше не выходить.

Захожу в квартиру. Как и ожидалось, в коридоре меня встречает Виталик. Стоит, привалившись к косяку, в тех же трениках и майке, будто и не уходил отсюда за всё время моего отсутствия. Ну точно кот. Только противный. Очень противный.

Он молчит. Просто смотрит и улыбается. Но эта улыбка не тёплая, не добрая. В ней что-то хищное, будто он знает, что-то, чего не знаю я, и ждёт момента, чтобы это использовать.

Его взгляд скользит по мне, задерживается на сумке, на усталом лице, на замёрзших пальцах. И от этого внимания становится не по себе, будто меня ощупывают, оценивают, ищут слабое место.

– Что? – не выдерживаю я, голос звучит резче, чем хотелось бы.

Он лишь приподнимает бровь, продолжает молчать. Эта игра в гляделки начинает раздражать. Каждый раз одно и то же: он ждёт, когда я сорвусь, начну оправдываться или, наоборот, огрызаться. Но сегодня у меня нет на это сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.